

³ См.: Гришко А.Я., Потапов А.М. Амнистия, помилование, судимость. М., 2009. С. 26.

⁴ См., напр.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 13.12.1999 г. № 4784-II ГД «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе».

⁵ См.: Люблинский П.И. Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование. С. 163.

⁶ В качестве экспертов выступали известные ученые, специалисты в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии. Всего в опросе приняли участие 30 респондентов, из них 12 докторов юридических наук.

⁷ См.: Гришко А.Я., Потапов А.М. Амнистия, помилование, судимость. С. 26.

⁸ См.: Радченко В.И. Хорошо сидим // Российская газета. 2008. 2 сент.

⁹ Гришко А.Я., Потапов А.М. Амнистия, помилование, судимость. С. 3–4.

¹⁰ См.: Лунеев В.В. Хорошо выглядим // Новая юстиция. 2009. № 1. С. 63.

¹¹ См.: Нестеренко И.В. Амнистия как институт досрочного освобождения: понятие и последствия исполнения: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 108.

¹² См.: Тагнцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. С. 363.

¹³ См.: Лунеев В.В. Хорошо выглядим. С. 63.

¹⁴ См.: Люблинский П.И. Право амнистии: историко-догматическое и политическое исследование. С. 117–118.

¹⁵ Одним из разработчиков этой теории является профессор Ю.В. Голик (см.: Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 184–186).

¹⁶ См.: Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). Томск, 1985. С. 8–22.

¹⁷ См.: Зеледова О.С. Роль амнистии в осуществлении советской уголовно-правовой политики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 1987. С. 11.

Терминология как средство законодательной техники при регламентации исполнения наказания в виде штрафа

Е.С. ПОЧЕТКОВА – адъюнкт кафедры уголовного права ВИПЭ ФСИН России

В предлагаемой статье автор исследует проблемы терминологического несоответствия, имеющего место в УИК РФ и Федеральном законе «Об исполнительном производстве». В частности, рассматриваются вопросы об определении срока для добровольного исполнения уголовного наказания в виде штрафа, а также изменения и дополнения действующего уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: законодательная терминология; срок для добровольного исполнения наказания в виде штрафа; штраф; исполнительное производство.

Терминология обоснованно включается большинством ученых в круг средств законодательной техники¹. Она служит одним из способов удовлетворения таких основополагающих требований к языку закона, как ясность, простота и максимальная точность выражения юридических велений, беспристрастность (нейтральность) текста, лаконичность и компактность². Не все слова, употребленные в нормативном акте, следует относить к терминам³. Юридический термин – это слово или словосочетание, которое не только употреблено в законодательстве, но и обозначает юридическое понятие, является его обобщенным наименованием, имеет точно определенное содержание, отличается функциональной устойчивостью, с его помощью «выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства»⁴. Высказанные в научной литературе мнения позволяют сформулировать следующие правила употребления терминологии как средства законодательной техники: а) единство терминологии: недопустимость обозначения разными терминами одного и того же понятия (синонимия) или одним

термином различных понятий (полисемия); б) смысловая однозначность терминов: один и тот же термин должен употребляться в одном и том же значении; одно и то же понятие должно обозначаться одним и тем же термином; в) употребление слов в их прямом и общеизвестном значении в процессе создания терминов; г) доступность понимания терминов для всех носителей языка; д) функциональная устойчивость терминологии; е) стилистическая нейтральность терминов; ж) лаконичность формулирования термина; з) ограниченное использование сокращений (в том числе аббревиатур) в качестве терминов; и) сокращение употребления устаревшей лексики, неологизмов, иностранных слов при создании терминов и др.⁵

В Федеральном законе «Об исполнительном производстве»⁶ (далее – Закон) мы встречаемся с примером полисемии: термин «штраф» в тексте закона употребляется в качестве наказания за совершение и преступления, и административного правонарушения. В филологии такие слова называются омонимами⁷. Законодатель применяет синтаксический способ размежевания

юридических терминов, относящихся к разным отраслям права: омоним «штраф» включается в состав устойчивого словосочетания «штраф, назначенный в качестве наказания за совершение преступления» (в тексте употребляется чаще усеченный вариант – «штраф за преступление»), где он получает однозначный смысл.

Юридическая терминология должна способствовать достижению максимальной лаконичности юридического текста, исключению неоднозначности в понимании правоприменителем текста закона. Проиллюстрируем эти требования на следующем примере. Согласно ч. 1, 3 ст. 31 УИК РФ осужденный к штрафу обязан уплатить весь штраф либо его первую часть (если судом принято решение о рассрочке) в течение 30 дней со дня вступления приговора суда в законную силу. В ч. 1 ст. 32 УИК РФ законодатель называет данный срок как «срок, установленный ч. 1 и ч. 3 ст. 31 настоящего кодекса», в ч. 2 этой же статьи как «предельный срок уплаты». При этом УИК РФ не раскрывает способ подсчета этих 30 дней (календарных или рабочих).

В ст. 103 Закона, которая регламентирует взыскание штрафа, назначенного в качестве наказания за совершенное преступление, употребляются различные словесные обозначения для указания срока, установленного ч. 1 и 3 ст. 31 УИК РФ: «срок для добровольного исполнения» (ч. 5, ч. 10); «установленный срок в соответствии с ч. 1 ст. 32 УИК РФ» (ч. 6); «срок уплаты штрафа (части штрафа), назначенного в качестве основного наказания» (ч. 9). Синонимия⁸ в терминологическом обозначении допустима, если «не приводит к противоречиям и несогласованности в юридической деятельности»⁹. Сравнительный анализ действующего законодательства свидетельствует о терминологическом несоответствии УИК РФ и Закона, которые регламентируют один и тот же процесс – исполнение уголовного наказания в виде штрафа, что порождает противоречия в правоприменительной практике.

В УИК РФ четко обозначена длительность рассматриваемого срока (30 дней) и точка отсчета (со дня вступления приговора суда в законную силу), в указанном Законе ч. 5 ст. 103 предусматривает два порядка исчисления длительности «срока для добровольного исполнения»: или 30 календарных дней со дня вступления приговора в законную силу, или 5 календарных дней со дня возбуждения исполнительного производства, если исполнительное производство было возбуждено через 25 и более календарных дней после вступления приговора в законную силу. Если судом принято решение о предоставлении рассрочки уплаты штрафа за преступление, то срок, в течение которого осужденный обязан заплатить первую часть штрафа, исчисляется со дня вступления в законную силу *приговора или решения суда* (ч. 3 ст. 31 УИК РФ), только *приговора суда* (ч. 5 ст. 103 Закона). Таким образом, в Законе не указан порядок исчисления данного срока в случаях, когда рассрочка предоставля-

ется решением суда уже в стадии исполнения приговора.

Часть 6 ст. 103 Закона указывает, что за пределами срока, установленного ч. 1 ст. 32 УИК РФ (то есть по истечении 30 дней), неуплата штрафа, назначенного в качестве основного наказания, является злостным уклонением и влечет замену штрафа другим видом наказания. Одновременно в п. 1 ч. 10 ст. 103 указанного Закона употребляется термин «срок для добровольного исполнения». Таким образом, решение о замене наказания законодатель жестко не привязывает к истечению 30-дневного срока, установленного УИК РФ.

Согласно ч. 9 ст. 103 Закона судебный пристав-исполнитель исчисляет срок (10 календарных дней) для направления в суд представлений о замене штрафа другим видом наказания со дня окончания «срока уплаты штрафа (части штрафа), назначенного в качестве основного наказания». Из текста Закона остается неясным: это срок, предусмотренный ч. 1 и ч. 3 ст. 31 УИК РФ (то есть 30 дней), или «срок для добровольного исполнения», предусмотренный ч. 5 ст. 103 Закона (например, 5 календарных дней со дня возбуждения исполнительного производства)? Кроме того, в данном случае наблюдается расхождение с ч. 2 ст. 32 УИК РФ, где указан иной порядок определения срока для направления в суд представления о замене штрафа другим видом наказания.

Представляется полезным выяснить, какой из указанных синонимов может стать унифицированным термином для обозначения срока, рассматриваемого нами, в обоих законодательных актах. Анализ норм Закона позволяет утверждать, что термин «срок для добровольного исполнения» многозначен – законодатель применяет его к двум различным процедурам исчисления срока: в общем порядке (ст. 30, 15, 68, 22 и 37) и в особом порядке (ст. 103). Различия между ними состоят: 1) в перечне оснований для приостановления, прекращения или окончания хода течения рассматриваемых сроков (ст. 103, 39, 40, 43); 2) методике подсчета дней, входящих в срок (штраф за преступление – календарные дни, общий порядок – рабочие дни); 3) сфере применения (общий порядок установлен для большинства исполнительных документов, кроме указанных в ч. 14. ст. 30, а особый порядок – только в отношении штрафа за преступление); 4) порядке исчисления сроков (*в общем порядке* – срок либо не превышает 5 дней со дня получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства (ч. 12 ст. 30), либо соответствует сроку, указанному в исполнительном документе¹⁰, либо не превышает 5 дней со дня возбуждения исполнительного производства, если исполнительный документ предъявлен к исполнению по истечении срока, указанного в нем для исполнения (ч. 13 ст. 30); *в особом порядке* – либо не превышает 30 календарных дней со дня вступления

приговора в законную силу, либо не превышает 5 календарных дней со дня возбуждения исполнительного производства¹¹, при условиях, указанных в ч. 5 ст. 103; 5) юридической силе документа, устанавливающего длительность срока (в *общем порядке* – это постановление судебного пристава-исполнителя о возбуждении основного исполнительного производства при поступлении исполнительного документа в службу судебных приставов впервые (ч. 11 и 14 ст. 30); в *особом порядке*, на наш взгляд, это должен быть УИК РФ, так как в первую очередь именно в нем законодатель формирует конструкцию (модель, схему) исполнения наказания, гарантирующую реализацию прав осужденных), судебным приставом-исполнителем данный срок должен только фиксироваться в постановлении о возбуждении основного исполнительного производства по впервые поступившим исполнительным документам в соответствии с положениями УИК РФ и с учетом судебных решений о предоставлении рассрочки или отсрочки исполнения.

Требование однозначности к языку нормативно-правового акта подразумевает, что слова и словосочетания будут использованы в нем только в одном значении и будут сохранять это значение в тексте в целом. В связи с этим целесообразно в Законе отграничить друг от друга эти два порядка исчисления срока для добровольного исполнения требований, а именно: термин «срок для добровольного исполнения должником требований, содержащихся в исполнительном документе» (или усеченная модель «срок для добровольного исполнения»), употреблять только для обозначения исполнения требований в *общем порядке* и ввести термин «срок для добровольного исполнения требования об уплате штрафа, назначенного в качестве наказания за совершение преступления» (или усеченная модель – «срок для добровольного исполнения штрафа за преступление»), который будет использоваться для обозначения исполнения требований в *особом порядке*.

Единая терминология должна использоваться не только в рамках какого-то одного нормативно-правового акта, но и в других законодательных текстах, развивающих и конкретизирующих его положения, поэтому обозначение рассматриваемого нами срока термином «срок для добровольного исполнения штрафа за преступление» следует унифицировать для всех законодательных актов, регламентирующих исполнение уголовного наказания в виде штрафа. Это позволит избежать противоречий между ними. Примеры изложения норм в новой, терминологически единой редакции приведены в приложении к статье.

Конкуренцию между ч. 2 ст. 32 УИК РФ и ч. 9 ст. 103 Закона о порядке исчисления срока для направления в суд представления о замене штрафа за преступление другим видом наказания возможно решить в пользу установлений Закона, который конкретизирует исполнение

штрафа через регламентацию действий судебных приставов-исполнителей. Также было бы верным указать в УИК РФ, что «срок для добровольного исполнения штрафа за преступление» исчисляется в календарных днях, как это предусмотрено положениями ст. 103 Закона. Будет целесообразно ввести в тексты УИК РФ, УК РФ и ст. 103 Закона термин «*отсрочка исполнения приговора*» для обозначения основания, которое изменяет течение срока для добровольного исполнения штрафа за преступление, поскольку применение отсрочки исполнения приговора предусматривается ч. 2 ст. 398 УПК РФ и указано п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 5)¹².

Подводя итог изложенному, следует сказать, что законодатель недооценил значимость терминологии при конструировании норм, регламентирующих исполнение уголовного наказания в виде штрафа. Однако в общей теории права справедливо подчеркивается следующая мысль: полное и правильное использование средств законодательной техники на основе отработанных правил обеспечивает наиболее точное выражение воли законодателя¹³.

Приложение

В науке уголовно-исполнительного права недостаточно четко сформулированы правила распределения нормативного материала между кодексом и федеральными законами, регламентирующими процесс исполнения наказаний (или его отдельные вопросы). Нам представляется три возможных варианта изложения норм: либо порядок исчисления «срока для добровольного исполнения штрафа за преступление» полностью представить в УИК РФ; либо применить в кодексе такой прием законодательной техники, как бланкетный способ изложения отдельных элементов нормы, сделав отсылку к нормам Закона; либо ввести понятие «срок для добровольного исполнения штрафа за преступление» в текст УИК РФ и применить технико-юридический прием конкретизации: раскрыть порядок исчисления этого срока в Законе. Приведем примеры первого варианта изложения норм в терминологически единой редакции.

Изложить ч. 1 ст. 31 УИК РФ в следующей редакции: «Осужденный к штрафу без рассрочки выплаты обязан уплатить его *в срок для добровольного исполнения штрафа за преступление* – в течение 30 календарных дней со дня вступления приговора суда в законную силу, за исключением случаев, предусмотренных законодательством об исполнительном производстве».

Изложить ч. 2 ст. 31 УИК РФ в следующей редакции: «В случае если осужденный не имеет возможности одновременно уплатить штраф,

суд по его ходатайству может рассрочить или отсрочить уплату штрафа на срок до трех лет».

Изложить ч. 3 ст. 31 УИК РФ в следующей редакции: «Осужденный к штрафу с рассрочкой выплаты, а также осужденный, в отношении которого суд в соответствии с частью второй настоящей статьи принял решение о рассрочке уплаты штрафа, обязаны уплатить первую часть штрафа в течение *срока для добровольного исполнения штрафа за преступление* – 30 календарных дней со дня вступления приговора или решения суда в законную силу, за исключением случаев, предусмотренных законодательством об исполнительном производстве... (далее по тексту действующей редакции)».

Ввести ч. 4 ст. 31 УИК РФ: «В случае предоставления осужденному к штрафу отсрочки исполнения приговора суда возобновление течения *срока для добровольного исполнения штрафа за преступление* переносится на день, следующий за днем окончания срока отсрочки».

Изложить ч. 1 ст. 32 УИК РФ в следующей редакции: «Злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, не уплативший штраф либо часть штрафа в *срок для добровольного исполнения штрафа за преступление*, установленный частями первой и третьей статьи 31 настоящего кодекса».

Изложить ч. 2 ст. 32 УИК РФ в следующей редакции: «В отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, судебный пристав-исполнитель *не ранее 10 дней* со дня истечения *срока для добровольного исполнения штрафа за преступление* направляет в суд... (далее по тексту действующей редакции)».

Изложить ч. 5 ст. 103 Закона в следующей редакции: «В постановлении о возбуждении исполнительного производства *для добровольного исполнения требования об уплате штрафа за преступление* устанавливается срок, предусмотренный ч. 1 ст. 31 УИК РФ (для уплаты первой части штрафа, если судом принято решение о рассрочке – срок, предусмотренный ч. 3 ст. 31 УИК РФ). Если исполнительное производство возбуждается через двадцать пять и более календарных дней после вступления приговора или решения суда в законную силу, то *срок для добровольного исполнения штрафа за преступление* составляет пять календарных дней со дня получения должником копии постановления о возбуждении исполнительного производства... (далее по тексту действующей редакции)».

Изложить ч. 9 ст. 103 Закона в следующей редакции: «Если по истечении десяти календарных дней со дня окончания *срока для добровольного исполнения требования об уплате штрафа (части штрафа) за преступление*, назначенного в качестве основного наказания, у судебного пристава-исполнителя... (далее по тексту действующей редакции)».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113, 116–117; Алексеев С.С. Проблемы теории права. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 273; Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система) // Учен. тр. Свердл. юрид. ин-та. Т. 6. Гражданское право. Свердловск, 1961. С. 171; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 50 и др.

² См. подр.: Хабибуллина Н.И. Политико-правовые проблемы семиотического анализа языка закона (теоретико-методологическое исследование): Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001. С. 279; Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990; Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.

³ См.: Пиголкин А.С. Подготовочка проектов нормативно-правовых актов. М., 1968. С. 153.

⁴ См.: Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2003. С. 695.

⁵ См.: Тихомиров Ю.А. Законодательная техника. М., 2000, С. 268; Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990. С. 107; Шаргородский М.Д. Терминология уголовного закона // Избр. тр. по уголовному праву. СПб., 2003. С. 169–170; Хайретдинова М.Д. Законодательная дефиниция (проблемы теории и практики): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 22–23 и др.

⁶ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849 (в ред. Федерального закона от 27.09.2009 № 226-ФЗ «О внесении изменений в статью 74 Федерального закона “Об исполнительном производстве”» // СЗ РФ. 2009. № 39. Ст. 4540).

⁷ Под омонимами понимают разные лексические единицы с тождественными означающими, не имеющими общего значения, или слова, совпадающие с другими по звучанию, но полностью расходящиеся с ними по значению (см.: Шмелев Д.И. Современный русский язык. М., 1977. С. 77–78; Ожегов С.И. Словарь русского языка М., 1990).

⁸ Синонимия определяется способностью разных языковых форм обозначать одну и ту же реалию, соотноситься с одинаковым внеязыковым содержанием. Синонимия в языке нормативно-правовых актов заключается в параллельном использовании нескольких словесных форм для выражения одного и того же предметного содержания. См.: Т.В. Губаева. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2007. С. 62, 63.

⁹ См.: Законотворчество в Российской Федерации: Науч.-практ. и учеб. пособие / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 2000. С. 537, 578.

¹⁰ Формулировка ч. 13 ст. 30 Закона не способствует четкому выражению законодательной воли: «Если в исполнительном документе указан срок исполнения, то срок для добровольного исполнения *определяется в соответствии со сроком* (курсив мой. – Е.С.), указанным в исполнительном документе». Целесообразнее в тексте закона указать, что в качестве окончания срока для добровольного исполнения должна указываться дата окончания срока, названного в исполнительном документе. Иначе возникает иллюзия о праве судебного пристава-исполнителя изменять судебный акт в части срока исполнения, что не соответствует действительности.

¹¹ Исчисление данного срока необходимо начинать не со дня возбуждения исполнительного производства, а со дня получения должником копии постановления о возбуждении исполнительного производства. Иначе нормы ч. 6 и 7 ст. 103 Закона, обеспечивающие гарантии реализации прав осужденного на этапе исполнения наказания, обесцениваются.

¹² См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 4; 2008. № 6.

¹³ См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 51.